

Г. Б. Романовский

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного права*

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ЗАПРЕТ ПЫТОК В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ¹

Аннотация. В статье рассматривается конституционное содержание запрета пыток в современном мире. Указывается, что основные международные акты, посвященные правам человека, устанавливают абсолютное правило: никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию. Отступления от данного запрета не допускаются даже в условиях чрезвычайного или военного положения. В статье анализируются конституционные нормы стран Европы и Азии, предусматривающие запрет на пытки. Представлено, что большинство конституций определяют запрет как гарантию права на личную неприкосновенность, либо как следствие охраны достоинства личности. Выделено, что законодательные акты США, принятые после 11 сентября 2001 г., ввели особые правила обращения с террористами, которые благодаря их расширительному толкованию позволяют применение интенсивных методов допроса.

Ключевые слова: пытки, запрет, конституция, ограничения, права человека, терроризм.

G. B. Romanovsky

Doctor of law, professor

Head of department of Criminal Law

Penza State University, Penza, the Russian Federation

PROHIBITION OF TORTURE IN MODERN CONSTITUTIONAL LAW

Abstract. The article deals with the constitutional content of the prohibition of torture in the modern world. It is stated that the main international acts on human rights set an absolute rule: no one should be subjected to torture or cruel, inhuman or degrading treatment or punishment. Deviations from this prohibition are not allowed, even in a state of emergency or martial law. The article analyzes the constitutional norms of the countries of Europe and Asia, which prohibit torture. It is submitted that most constitutions define a ban as a guarantee of the right to personal integrity, or because of the protection of the dignity of the person. It has been highlighted that US legislation adopted after September 11, 2001, introduced special rules for the treatment of terrorists, which, thanks to their broad interpretation, allow the use of intensive interrogation methods.

Key words: torture, prohibition, constitution, restrictions, human rights, terrorism.

Пытки долгое время являлись разрешенной практикой многих государств. У них всегда было двоякое предназначение: 1) получение необходимых сведений, которые скрывает допрашиваемый; 2) причинение мучительных страданий в ходе смертной казни. Иными словами, в первом случае пытка – средство, используемое в уголовном процессе, во втором – способ приведения наказания в исполнение. Большинство источников права древности прямо предусматривало применение пытки. Виды пыток поражают любое человеческое воображение, поскольку показывают, как может развиваться человеческий ум только для того, чтобы причинить излишнюю боль подобному себе. Долгое время на существование пыток в средневековом праве влияла концепция признания вины как основного доказательства

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00071-ОГОН.

виновности в совершении преступления. Подобный подход касался не только процессов о колдовстве и ереси. Постепенно он распространился на всю систему доказательств. Нетрудно вспомнить, что признание вины считалось царицей доказательств в советском уголовном процессе в 20-е – 30-е гг. прошлого столетия. В результате «пыточные мастерские» получили масштабное распространение. Палачи даже не скрывали своего усердия, когда обвиняемый подписывал кровью протоколы допросов.

Распространение пыток произошло в Гитлеровской Германии, фашистской Италии. С помощью пыток Муссолини приказал разрушить «кодекс молчания» сицилийской мафии. Надо отметить, что это ему удалось.

После приведенной огласки пыточных практик на территории Европы запрет на их использование нашел свое подтверждение в основных международных документах о правах человека. Статья 5 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) предусматривает: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию». Данное правило получило свое развитие в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Региональные конвенции о правах человека подтвердили запрет: ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 5 Американской конвенции прав человека, ст. 5 Африканской хартии прав человека и народов. Запрет пыток носит абсолютный характер. Р.А. Кантур отмечает: «Государства не вправе вводить внутренние правоустановления, позволяющие им отходить, даже со ссылкой на исключительные обстоятельства, от своих международно-правовых обязательств по абсолютному запрету подобных деяний. Поэтому противоправность пыток и иных форм жестокого обращения представляет собой норму общего международного права» [4].

Вследствие международного признания запрета пыток подобные нормы появились в конституциях стран мира. Российская Федерация не исключение. Статья 21 Конституции РФ состоит из двух частей, где часть первая посвящена охране достоинства личности, а часть вторая устанавливает приведенный запрет. Часть 2 ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ развивает данные положения: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению». Б.Т. Безлепкин отмечает: «Закрепленные в статье 9 УПК требования об уважительном отношении к чести и достоинству личности, бережном отношении к жизни и здоровью человека, а равно о недопустимости пыток тоже носят всеобъемлющий, универсальный характер. Они распространяются на все сферы отношений органов государства и должностных лиц с гражданами, поэтому по своему происхождению и по своей природе не являются уголовно-процессуальными» [1].

Обратимся к зарубежному опыту конституционного регулирования запрета пыток. Статья 15 Конституции Испании провозглашает право на жизнь, физическую и моральную неприкосновенность, добавляя: «...никого ни в коем случае нельзя подвергать пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению». Схожий текст предусматривается ст. 23 Конституции Румынии и ст. 24 Конституции Республики Молдова (есть некоторые совпадения и со ст. 10 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации. В Конституции Словацкой Республики запрет пыток (ч. 2 ст. 16) следует после закрепления неприкосновенности личности и ее частной жизни (ч. 1). Закреплен запрет пыток и ст. 17 Конституции Турецкой Республики. § 7 Основного закона Финляндии носит развернутый характер:

«Все лица имеют право на жизнь, личную свободу, неприкосновенность и безопасность.

Никто не может быть приговорен к смертной казни, пыткам или подвергаться какому-либо иному воздействию, унижающему человеческое достоинство.

Не может нарушаться личная неприкосновенность и никто не может произвольно лишаться свободы без законного основания. Наказание, связанное с лишением свободы, устанавливается только судом. Законность иных форм лишения свободы должна подвергаться судебной проверке. Права лиц, лишенных свободы, должны охраняться законом».

Как видно, запрет пыток не формулируется как самостоятельное субъективное право, а определяется как гарантия соблюдения иных основных прав человека. В зависимости от национальной концепции защиты прав граждан запрет пыток «привязан» либо к праву на жизнь, либо к праву на личную неприкосновенность, либо к гарантиям соблюдения указанных прав.

С учетом близости к российской правовой системе ст. 17 Конституции Республики Казахстан повторяет российскую модель: в ч. 1 закрепляется неприкосновенность достоинства человека, в ч. 2 – запрет на пытки. Отчасти такая же ситуация в Литовской Республике (ст. 21), в Азербайджанской Республике (ст. 46). Статья 11 Конституции Республики Македония отталкивается от неприкосновенности физической и моральной целостности человека, где уже продолжение – запрет на пытки (ч. 2). По-видимому, такая последовательность взята со ст. 25 Конституции Португальской Республики.

Конституционный запрет пыток в Конституции Республик Кипр предусматривается специальной ст. 8 (а также ст. 18 – в Конституции Республики Словения, ст. 25 – в Конституции Республике Албания, ст. 19 – в Конституции Республики Армения). Статья 40 Конституции Республики Польша предусматривает: «Никто не может быть подвергнут пыткам либо жестокому, бесчеловечному или унижающему обращению и наказанию. Запрещается применение телесных наказаний». В этих случаях придание запрету самостоятельного значения должно усилить его конституционное значение.

Своеобразный симбиоз запретов изложен в ст. 29 Конституции Республики Болгария:

«1. Никто не может быть подвергнут истязаниям, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство человека отношению, а также насильственной ассимиляции.

2. Никто не может быть подвергнут медицинским, научным или другим опытам без его добровольного письменного согласия».

Упоминание насильственной ассимиляции – уникальный случай в конституционной практике. Традиционно ассимиляция (от лат. *assimilatio* – уподобление, усвоение) в социологии и этнографии трактуется как потеря одной части социума (или целого этноса) своих отличительных черт и их замена на позаимствованные у другой части (другого этноса) [3]. По-видимому, близка историческая память, когда болгарам приходилось отстаивать свою идентичность, находясь под игом Османской Империи.

Конституция Латвийской Республики скупа на перечень прав человека, поэтому запрет пыток растворяется в общем запрете истязаний, иного безжалостного или унижающего достоинство отношения к человеку. В таком же ключе статья 36 Конституции Мальтийской Республики, но с отличием – в ней подробно раскрывается запрещение бесчеловечного или унижающего обращения. Общее правило (без прямого указания на пытки) закрепляется в ст. 20 Конституции Княжество Монако. Для многих европейских конституций характерен такой подход, когда пытки не выделяются как самостоятельная форма унижающего достоинства наказания. Есть общий запрет, пытки – частность, а значит, не требуется какое-то специальное упоминание.

Статья 23 Конституции Республики Хорватия стыкует запрет пыток с запретом на принудительный и обязательный труд. В этом аспекте сложно выявить

юридические связи, поскольку трудовые отношения (в какой бы форме они не осуществлялись) редко принимают характер пытки. Можно лишь указывать, что принудительный труд может осуществляться в унижающих человека условиях, но пытки – всегда институт, связанный с получением необходимых сведений в рамках уголовного преследования, или вид наказания.

Не секрет, что проблема пыток характерна для стран Азиатского континента, в большинстве из них запрет на подобные действия провозглашен на конституционном уровне. В некоторых – устанавливается общий запрет (ч. 4 ст. 30 Конституции Демократической Республики Восточный Тимор, ст. 54 Конституции Республики Мальдивы, ст. 36 Конституции Японии, ст. 31 Конституции Государства Кувейт, ст. 26 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов, ст. 35 Конституции Народной Республики Бангладеш, ст. 7 Конституции Королевства Бутан), в иных – с указанием на наступление ответственности за его нарушение (ст. 19 Конституции Королевства Бахрейн, ст. 38 Конституции Исламской Республики Иран), с квалификацией любого применения пыток как преступления (ст. 36 Конституции Государства Катар).

Пункт С ч. 1 ст. 35 Конституции Республики Ирак вводит дополнительные гарантии: «Все виды пыток, психологического или физического воздействия, а также бесчеловечного обращения запрещены. Признательные показания, полученные в результате принудительных действий, под пытками или угрозами их применения, не признаются действительными, а пострадавшая сторона имеет право на возмещение любого физического или психологического ущерба, который она понесла». Подобное содержание изложено в ст. 20 Конституции Султаната Оман.

Особенности содержательной стороны можно увидеть в ст. 29 Конституции исламской Республики Афганистан:

«Насилие над человеком запрещено.

Никто не может подвергать человека насилию или давать на то указание в целях установления истины, даже если этот человек находится под преследованием, задержанием или арестом, а также осужден к наказанию.

Назначение наказания, противоречащего человеческому достоинству, запрещено».

Статья 26 Конституции Федеративной Демократической Республики Непал формулирует субъективное право – право не подвергаться пытке (вынесено в название статьи):

«1) Ни одно лицо, содержащееся под стражей во время следствия или суда либо по любой иной причине, не может подвергаться физической или психической пытке или любому жестокому, негуманному или унижительному обращению.

2) Любое действие, подпадающее под определение части 1 настоящей статьи, наказывается по закону; любое лицо, претерпевшее такие действия, имеет право на компенсацию в порядке, установленном законом».

В российской доктрине право на свободу от пыток было предложено В.Д. Гончаренко [2], выделившим в его содержании ряд правомочий: 1) право на обладание свободой от пыток; 2) право требования соблюдения запрета пыток; 3) право притязания на обеспечение охраны данного права.

Статья 11 Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка закрепляет свободу от пыток.

В Королевстве Камбоджа запрещается применение физической силы и жестокое обращение (ст. 38), дополнительно подчеркивается: «Признание вины, полученное в результате использования физического или морального принуждения, является недопустимым доказательством». В Исламской Республике Пакистан формально запрещаются пытки только с целью получения свидетельских показаний (ст. 14 Конституции).

Статья 71 Конституции Социалистической Республики Вьетнам предусматривает: «Строго запрещаются все формы насилия и принуждения, пыток, унижений

чести и достоинства граждан». В Китайской Народной Республике пытки на конституционном уровне запрещены, есть «размытая» формула: «Честь и достоинство граждан Китайской Народной Республики неприкосновенны. Запрещается каким бы то ни было способом подвергать граждан оскорблениям, клевете, ложным обвинениям и травле» (ст. 38). Отличается идеологическим стержнем Конституция Коре́йской Народно-Демократической Республики, где ни слова нет о недопустимости бесчеловечного обращения с человеком (даже если он виновен в совершении уголовного преступления). Наоборот, ст. 81 провозглашает:

«Граждане обязаны решительно защищать идейно-политическое единство и сплоченность народа.

Граждане обязаны дорожить интересами своих организаций и коллективов, проявлять высокий дух беззаветного служения обществу и народу».

При таком подходе концепция личного достоинства человека неуместна.

Конституция США изначально не предусматривала комплекса прав и свобод человека и гражданина, только в 1791 г. был принят Билль о правах человека, включавший в себя первые 10 поправок. Поправка VIII закрепляла: «Чрезмерные залоги не должны требоваться, чрезмерные штрафы не должны налагаться, и жестокие и необычные наказания не должны назначаться». Исходя из содержания данной поправки, американское законодательство исходит из запрета пыток. Однако 11 сентября 2001 г. внесло свои коррективы. В 2004 г. после огласки фактов насилия в Гуантанамо и иракской тюрьме Абу-Грейб (насилие осуществлялось американскими контрактниками) стало известно о секретных инструкциях, вынесенных на основе Патриотического акта 2001 г. [8], допускающих интенсивные методы допросов. Основным идеологом и разработчиком этого Акта выступил Генеральный прокурор США Дж. Эшкрофт [5], который позднее в 2004 г. на сенатских слушаниях прямо высказался за применение пыток, если это позволит спасти жизни американских граждан. В 2015 г. на смену Патриотическому акту пришел новый Закон – Акт о свободе [7], разработанный администрацией Президента США Б. Обамой. Обновленный документ нес в себе мощную идеологическую нагрузку, само название указывало на смену ориентиров, которое оказалось лишь вывеской для легализации тех чрезмерных ограничений, которые прошли апробацию благодаря Патриотическому акту [6].

Таким образом, запрет пыток получил свое широкое закрепление в текстах конституций стран мира. Российская Федерация не является исключением, ст. 21 посвящена данному запрету. Ряд стран выводит данный запрет из содержания таких основных прав, как право на жизнь или право личной неприкосновенности. В иных государствах запрет на пытки является продолжением принципа охраны и защиты достоинства человека. Не нашла в конституционной практике широко распространения модель фиксации субъективного права – свободы от пыток.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б.Т. Безлепкин. — М. : Проспект, 2012. — 752 с.
2. Гончаренко В.Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: теоретико-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Д. Гончаренко. — Волгоград, 1999. — 28 с.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. — М. : Русский язык, 1976. — 1096 с.
4. Кантур Р.А. Проблемы соблюдения Россией обязательств по статье 3 Европейской конвенции по правам человека в отношении задержанных: практика ЕСПЧ / Р.А. Кантур // Международное правосудие. — 2018. — № 2 (26). — С. 62–76.

5. Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О.В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017. — Т. 5, № 2. — С. 10–16 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf / (дата обращения: 15.04.2019).

6. Романовская О.В. Акт о свободе: ограничения прав человека в США в целях противодействия терроризму / О.В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2017 — Т. 5, № 3. — С. 65–71 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_3_10.pdf / (дата обращения: 18.04.2019).

7. Act on the «To reform the authorities of the Federal Government to require the production of certain business records, conduct electronic surveillance, use pen registers and trap and trace devices, and use other forms of information gathering for foreign intelligence, counterterrorism, and criminal purposes, and for other purposes». [Electronic resource] — Mode of access: <https://www.congress.gov/114/bills/hr2048/BILLS-114hr2048enr.pdf> (accessed 18.04.2019).

8. Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism». [Electronic resource] — Mode of access: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf> (accessed 18.04.2019).

REFERENCES

1. Bezlepkin B. T. *Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (itemized)]. Moscow, Prospekt Publ., 2012, 752 p.

2. Goncharenko V. D. *Pravo cheloveka na svobodu ot pytok i drugikh zhestokikh, beschelovechnykh ili unizhaiushchikh dostoinstvo vidov obrashcheniia ili nakazaniia: teoretiko-pravovye aspekty: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.01* [Human right to freedom from torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment: legal and theoretical aspects: abstract of diss. of cand. of law]. Volgograd, 1999, 28 p.

3. Dvoretiskii I.Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1976, 1096 p.

4. Kantur R. A. The issues of observing Article 3 of the European Convention on Human Rights by Russia with regard to detainees: the ECtHR case-law. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2018, no. 2 (26), pp. 62–76 (in Russian).

5. Romanovskaya O. V. The patriot act: restrictions on the right to privacy in the US in order to counter terrorism. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 10–16 (in Russian). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf (accessed 15.04.2019).

6. Romanovskaya O. V. The Freedom Act: restrictions of human rights in the US for countering terrorism. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2017, vol. 5, no. 3, pp. 65–71 (in Russian). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_3_10.pdf / (accessed 18.04.2019).

7. Act on the «To reform the authorities of the Federal Government to require the production of certain business records, conduct electronic surveillance, use pen registers and trap and trace devices, and use other forms of information gathering for foreign intelligence, counterterrorism, and criminal purposes, and for other purposes». Available at: <https://www.congress.gov/114/bills/hr2048/BILLS-114hr2048enr.pdf> (accessed 18.04.2019).

8. Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism». Available at <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf> (accessed 18.04.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовский Георгий Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: vlad93@sura.ru.

AUTHOR

Romanovsky Georgy Borisovich — Doctor of law, professor, head of department of Criminal Law, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: vlad93@sura.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Романовский Г.Б. Запрет пыток в современном конституционном праве / Г.Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. — Т. 7, № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Romanovsky G. B. Prohibition of torture in modern constitutional law. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2019, vol. 7, no. 2, available at: <http://esj.pnzgu.ru> (In Russian).